

Новгородская региональная общественная организация
«ОБЩЕСТВО РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий
при администрации Новгородской области

КНИГА ПАМЯТИ

*жертв политических репрессий
Новгородской области*

Том 10

Памятный знак «Жертвам политических репрессий», установленный в Новгороде
по решению Новгородского областного Совета народных депутатов,
варварски разрушенный летом 1996 года

Великий Новгород
2006

О.Н. БЕЛОКОПЫТОВА,
ответственный секретарь редакции Книги Памяти
жертв политических репрессий Новгородской области

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА НОВГОРОДЧИНЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ

История немецкой диаспоры в России насчитывает многие столетия. Первые немцы появились на Руси еще в IX веке установлением отношений Древнерусского государства со странами Западной Европы. Значительное число немцев переселилось в Россию в XV-XVI вв. в период правления московских князей Ивана III и Василия III. В царствование Иоанна IV Грозного в Москве, а затем и в других городах появились компактные поселения немцев, так называемые немецкие слободы. Поток немцев-специалистов в Россию существенно увеличился в конце XVII – начале XVIII вв. при Петре I, который способствовал организованному переселению немцев в Россию на основе манифеста 1702 года. На призыв Петра переехать в Россию откликнулись тысячи ученых, военных, архитекторов, художников.

К середине XVIII века Россия оформилась как многонациональное государство, проводившее определенную национальную политику. Достаточно отчетливо ее последствия видны на примере российских немцев-колонистов, массовое переселение которых в Россию продолжалось на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX века. Именно в период царствования Екатерины II, Павла I, Александра I в отношении российских немцев проводилась открытая проекционистская политика, выражавшаяся, в частности, в предоставлении различных налоговых и иных послаблений.

Манифести Екатерины II 1762-1763 гг., обнародованные в германских княжествах, изменили судьбы тысяч людей. Екатерина гарантировала отправление обрядов по вере, землю без оплаты, свободу от податей на 30 лет, а от воинской службы – на неограниченный срок, невменшательство местных чиновников в юрисдикцию колоний.

С 1 января 1874 года в России была введена всеобщая воинская повинность, распространенная и на бывших колонистов. В Турецкую войну в 1877 г. Александром II был издан Указ, согласно которому все немцы, колонисты-мужчины призывающего возраста, должны были без исключения выполнять воинскую повинность. Ввиду этого «все колонисты звались, и многие, бросив свое имущество, отправились в Германию, но, достигнув германской границы, былиозвращены обратно вооруженной силой и совсем закреплены за Россией с равными правами русского гражданства»¹.

В конце XIX века в России существовало более двух тысяч немецких поселений. Немцы составляли 1,4% от всего населения империи и являлись восьмой по численности национальностью в стране².

Из Информационного отчета отдела национальностей Новгородского Губнарбраза за 1925 год видно, что в Новгородском округе имелись две достаточно крупные немецкие колонии – Ново-Николаевская и Александровская, насчитывающие соответственно 1539 и 703 жителя с правом голоса. Имелись свои национальные школы, библиотеки, церковь.

Ново-Николаевская колония стала заселяться в 1835 году. Прибывших колонистов разместили в бывшем военном поселении имения графа Аракчеева, в так называемых помещениях – одноэтажных постройках. Им отвели земли, пустовавшие между рекой Малый Волховец, притоком реки Волхов, и речкой Малая Вишерка. Каждому прибывшему семейству было выделено 50 десятин земли вместе с лесом.

В 1836 году прибыла еще одна партия немцев-колонистов и поселилась на другом конце бывшего военного поселения. Ново-Николаевская колония разделялась на верхнюю и нижнюю половину протекающим ручьем и имела свою отдельную сельскую администрацию, школу, церковь, библиотеку.

И. Можайский в «Учебном курсе географии Новгородской губернии» так описывает поселения немцев: «Колонисты... жили исправно. Дома их построены наподобие городских с паписадниками впереди фасадов. На улице для пешеходов устроены дощатые панели. Во всем виден порядок и чистота. Обработка полей, засеваемых преимущественно картофелем, отличалась тщательностью и искусством...»³.

Из воспоминаний Виллевальдта Ивана Кондратьевича, 1918 г.р., уроженца Ново-Николаевской колонии: «Ново-Николаевская колония выгодно отличалась от русских деревень: застройка была чуть ли не геометрически выверенной, дома располагались друг от друга близко – на расстоянии 5 метров, дорога всегда содержалась идеально, перед каждым домом обязательно был паписадник (штакетник, клумбы с цветами). В обязанность мальчиков входила уборка дороги, девочки ухаживали за клумбами. Браки заключались, как правило, между жителями колонии. Был свой духовой оркестр, инструменты для которого подарил капельмейстер драгунского полка. Жители колонии в основном занимались земледелием. Торговали картофелем, маслом в Новгороде. Имелась лютеранская церковь (кирха), здание которой построено в 1864 году и своя школа «четырехлетка».

Александровская немецкая колония находилась в трех верстах от Селищенских казарм, на так называемой валовой дороге графа Аракчеева, проведенной от Селищенских казарм в кадетский корпус по Московскому шоссе на протекающей речке Тигоде. Эта колония была заселена в 40-х годах XIX столетия. Образ жизни ничем не отличался от образа жизни соседней колонии – Ново-Николаевской.

С 1897 года власть на Новгородчине возглавлял граф Медем Оттон Людвигович, который систематически пропагандировал высокую культуру жизнедеятельности и трудовых достижений немцев Ново-Николаевской и Александровской колоний с целью распространения уклада их жизни среди крестьянства Новгородчины.

В докладе Губкома ВКП(б) за 1920 год об истории жизни немцев-колонистов указывалось:

«Со временем колония разрасталась, не хватало земли, требовалось расселение колонии. Колонисты делали запрос в надлежащие учреждения, но часто получали отрицательные ответы, что вы и так живете хорошо, вам земли не будет если и давали землю, то неудобную – либо от вырубленного леса, кустарники. Из совсем неудобной земли, о которой местный русский крестьянин выражался, что этот участок, или землю никогда нельзя обработать или привести в полное пахотной земли, а немецкий колонист, как по чудесному мановению, приводил участок земли в культурное состояние. И эта земля давала превосходный урожай. Появлялась зависть местных русских крестьян, которые завидовали судьбе тяжбы за обработанный колонистами участок земли, и по обыкновению в конечном результате такую землю от колонистов отнимали, или даже совсем прогоняли колонистов и давали опять совсем неудобную землю, считая, что колонисты не смогут устроиться на новом месте»⁴. Таких фактов можно перечислить несколько, как с выселенцами Ново-Николаевской колонии, так и Александровской колонии Новгородского уезда, где отнимали по 150 десятин хорошей пахотной земли.

Колонисты принесли много пользы государственному хозяйству развитием промышленной деятельности в тех местностях, куда их водворили: они основали благоустроенные селения в диких местностях, занятых ими, обогатили голые земли в цветущие поля, развели на них плодовые сады и огорода, ввели многие полезные изменения в местные системы земледелия и в скотоводство. Им удалось сохранить целый ряд своих своеобразных национальных черт: высокую религиозность, организованность, дисциплинированность, исключительное трудолюбие, любовь к порядку, развитое чувство хозяина своей собственности и т.п. В России реакция на такой образ немца, как известно, была разная: от уважения до восхищения до неприязни и ненависти. Впоследствии это стало играть роль раздражителя для националистически склоненной части российского общества и ухудшило положение немцев в России.

Октябрьский переворот 1917 года положил начало невиданному по масштабам и жестокости произволу власти большевиков в отношении граждан России всех национальностей, сословий, возрастов, вероисповеданий.

Бесчеловечная методика социалистического строительства после победы Великой Октябрьской социалистической революции была открыто провозглашена уже в 1920 году одним из руководителей компартии большевиков Н.И. Бухарином: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от Расстрелов и кончая Трудовой Повинностью является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Метод оказался настолько универсальным, что отправил на тот свет не только своих оппонентов, но и ярых сторонников. 62 миллиона человек уничтожено в СССР за мирное время XX века – такова итоговая цифра «выработки коммунистического человечества» на 1/6 части земной суши, приведенная шведским политиком Пером Альмарком в книге «Открытая рана»⁵.

Статистические данные редакции Книги Памяти жертв политических репрессий Новгородской области свидетельствуют о том, что на территории нынешней Новгородчины политическим репрессиям подверглось свыше 50 тысяч человек. Можно предположить, что количество жертв политических репрессий по национальному признаку исчисляется тысячами, ибо только немцев-колонистов в 7 уездах Новгородской губернии в 1920 году проживало свыше 5 тысяч человек.

Большевики, пытаясь максимально контролировать «нацменов» и влиять на их деятельность, в 1920-30-е годы не предпринимали целевых репрессивных акций в отношении немцев Ново-Николаевской и Александровской колонии. Более того, власти стимулировали изучение русского языка нацменами, рост их профессионального образования, культурного уровня, заботились о социальном благополучии, а также об обеспечении их представительства в советах.

21 июля 1921 года в Новгороде состоялась 1-я губернская конференция членов и кандидатов в члены РКП(б) немецкой национальности, на которой отмечалось: «Новгородская губерния в данное время насчитывает около 5000 немецких граждан и колонистов. На конференции присутствовало 18 членов и 6 кандидатов в члены РКП(б). В докладе были приведены данные о том, что из 5000 немцев 1200 абсолютно безграмотные, не могут читать и писать ни по-русски, ни по-немецки. Была внесена резолюция о немедленной и срочной борьбе с невежеством и безграмотностью среди немцев. Кроме того, были выделены лучшие товарищи для постоянных организационных работ среди немецких граждан и колонистов Новгородской губернии в целях их политического перевоспитания. Удалось организовать комиссию по оказанию помощи голодающим немцам Поволжья. Голодающим было собрано около тысячи пудов продовольствия и одного миллиона рублей. Со времени организации немецкой секции отношение колонистов к Советской власти и коммунистической партии значительно изменилось в лучшую сторону»⁶.

О постоянном внимании новой власти к немецким колонистам свидетельствует план работы уполномоченного Новгородского губисполкома по делам нацменьшинств на 1926 год, подписанный Я. Кродером, который предусматривает явление точного количества населенных мест (колоний) к численности нацменьшинств, степень участия населения в мене в советском, кооперативном и профессиональном строительстве, причем создать кооперативные объединения. Договориться с Нарсудами об обеспечении широкой юридической помощи на немецких языках. Позаботиться о том, чтобы, начиная с будущих выборов, от крупных колоний были представители нацменьшинств в Волисполкомах. Соглашаться вопрос о втягивании в профтехнические школы молодежи нацменьшинств. Принять меры к подведению материальной базы под культурно-просветительские учреждения нацменьшинств»⁷.

В письме в отдел нацменьшинств при ВЦИКе от 24 июля 1926 года указывалось, что президиум Новгородского Губисполкома отметил «отсутствие твердой плановости в работе среди нацмен и слабое обслуживание их культурно-социальных нужд. Уполномоченному по работе среди нацмен предложено в дальнейшем более твердо и настойчиво проводить работу, направленную к обслуживанию культурно-социальных нужд нацменьшинств согласно разработанному плану, включив в него вопросы о классовом расслении нацмен, кооперировании и объединении их в коммуны и артели, а для оздоровления последних произвести проверку их членов на предмет исключения тех из них, которые вошли в артели с корыстной целью – получения лишь личных материальных выгод»⁸.

В докладе на оргсовещании при Новгородском Губисполкоме 25 ноября 1926 года сообщается о том, что Третьим Всесоюзным Съездом Советов приняты решения о мероприятиях, обеспечивающих интересы нацменьшинства. При этом ставится задача «детально проработать вопрос об организации новых сельских советов и вовлечении в активное участие нацменьшинств в предстоящую перевыборную кампанию... Там, где имеется 300 жителей, должен быть организован сельсовет»⁹.

Содержание названных документов не вызывает сомнений в том, что на заре советской власти большевики активно пытались вовлечь национальные меньшинства в строительство нового государства, заботились об их социальном благополучии, стимулировали изучение русского языка.

В первой половине 1930-х годов ЦИК и СНК СССР издали ряд Постановлений, создающих видимость обоснованности и законности массовых репрессий в отношении населения СССР. Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. при аркome внутренних дел СССР было образовано Особое совещание, которому предоставлялось право во внедорожном порядке применять высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР. Президиум ЦИК СССР 1 декабря 1934 г. принял постановление «О порядке ведения дел о подготовке и совершение террористических актов»¹⁰. В нем предписывалось следственным властям вести дела о подобных преступлениях скоренным порядком, судебным органам не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств о помиловании, потому что Президиум ЦИК СССР не будет принимать подобные ходатайства к рассмотрению, а органам НКВД – приводить приговоры о ВМН в исполнение немедленно. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»¹¹ устанавливался особый порядок расследования, касающийся подготовки и совершения террористических актов. Он сводился к нескольким пунктам: следствие по этим делам заканчивать в срок не более 10 дней; обвинительное заключение вручать бывшему за одни сутки до рассмотрения дел в суде; дела слушать без участия сторон; кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать; приговор к высшей мере наказания приводить немедленно по вынесении приговоров.

Подобный обвинительный уклон вышеупомянутых законодательных актов и широкое толкование понимания вины не ставили никаких шансов обвиняемому гражданину на защиту своих прав, чести и достоинства.

Лишение избирательных прав и раскулачивание являлись наиболее массовыми видами политрепрессий в 1920-х – первой половине 1930-х годов. В фондах Государственного архива новейшей политической истории Новгородской области обнаружены документы о жестких мерах принуждения ВКП(б) по отношению к крестьянам немецких поселений.

Однако эти меры касались всего зажиточного крестьянства России: «Совершенно секретно. Докладная записка. По отдел нацмен ОК ВКП(б) высылает протокол собрания партийки из Ново-Николаевской немецкой колонии и список кулаков, которые до сих пор не были выявлены и не лишены избирательных прав, не обложены индивидуально сельскохозяйственным налогом. Необходимо срочно провести оформление лишения избирательных прав и обложения кулаков в индивидуальном порядке сельхознагодом»¹².

Текст этой докладной записки перекликается с Протоколом внеочередного собрания Ново-Николаевской ячейки ВКП(б) 29 января 1930 г. о репрессиях местного кулачества:

«Повестка дня: I. Решение ЦК ВКП(б) об уничтожении кулака как класса.

Постановили: Сразу же приступить к выявлению кулацкого элемента деревни и подвергнуть их через органы совета лишению избирательных прав и выводу из общественных организаций»¹³.

На добровольно-принудительной основе в 1932 году в нижней половине Ново-Николаевской колонии был организован колхоз «Звезда», который числился в списке лучших в округе. (Согласно годовому отчету за 1937 год «состав колхоза 1 января 1938 года насчитывал: наличных дворов – 92, населения – 449, количество колхозных дворов, проживающих иночными хуторами – 2»¹⁴.)

Архивные документы свидетельствуют, что еще в начале 1930-х годов граждане Ново-Николаевской колонии имели возможность свободно удовлетворять свои религиозные потребности. Так, 22 августа 1930 года по просьбе коллектива тающих и служителей культа была зарегистрирована лютеранская немецкая церковь с ограничением района деятельности рамками Ново-Николаевской колонии. Однако гонения на церкви, целенаправленно осуществлявшиеся с 1917 г. в России, не обошли стороной и немецкие поселения Новгородчины.

Вскоре советскими властями была закрыта и немецкая лютеранская церковь, что подтверждается выпиской из протокола № 1 заседания областной комиссии по вопросам культа при Президиуме Ленинградского облисполкома от 02.02.1936 г.: «Ввиду того, что «двадцатка» добровольно отказалась от пользования помещением церкви и, учитывая ходатайство преобладаю-

щего большинства населения данной местности в количестве 4-х колхозов о закрытии церкви, которым помещение необходимо под клуб – церковь закрыть, а здание использовать для указанной цели»¹⁵.

Спустя два месяца комиссия по культам при Новгородском райисполкоме рапортовала в Леноблисполком: «Немецкая лютеранская церковь в Ново-Николаевской колонии ликвидирована 30 марта 1936 года, здание церкви используется как клуб»¹⁶. Так, в ходе всеобщей борьбы с религией как «копиумом народа» от имени 4-х колхозов советские органы властей нарушили право вероисповедания жителей Ново-Николаевской колонии. Таким образом, репрессии в отношении немецких колонистов Новгородчины в 1920-х и первой половине 1930-х годов еще не имели национального признака, и распространялись в тот период на все население СССР в соответствии с линией ЦК ВКП(б) на сплошную коллективизацию и всеобщую борьбу с религией.

Фактическим началом открытой антинемецкой политики в СССР можно считать постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях» от 5 ноября 1934 г. Используя уже испытанные обвинения, методы воздействия и наказания карательные органы значительно расширили масштабы репрессивной политики против немецкого населения страны. Немцев рассматривали в качестве «базы для формирования различных националистических групп и организаций». Репрессировали их как вредителей, диверсантов, контрреволюционеров, террористов и т.п., искусственно объединяя в подпольные антисоветские организации.

В феврале 1937 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), где обсуждались «уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», а нарком внутренних дел Н.И. Ежов и начальник УНКВД Ленинградской области Л.М. Заковский ратовали за укрепление партийного руководства репрессиями, нисколько не заботясь об их законности. Пленум дал программу на будущее, простор для действия репрессивной машины был открыт.

Летом 1937 года эта «коммунистическая» программа была конкретизирована в известных оперативных приказах НКВД СССР: приказ № 00447 – об операции по репрессированию бывших кулаков; приказ № 00485 – о репрессировании изменников Родины и приказ № 00486 – о репрессировании семей изменников Родины. В оперативном приказе начальника УНКВД по Ленинградской области Заковского за № 00117 от 1 августа 1937 г. были приведены примеры «вскрытия оперативно ликвидированных контрреволюционно-повстанческих организаций» в Старорусском, Поддорском, Заневском и других районах Новгородчины. Согласно этим документам проводились массовые репрессии граждан всех национальностей, в том числе жителей немецких колоний.

Результаты исследований доступных архивных источников в УФСБ по Новгородской области показывают, что первая волна политических репрессий по национальному признаку прокатилась по Новгородчине в 1937 году, когда по уголовному делу было арестовано 12 человек немецкой национальности – жителей Чудовского района. Арестованные органами НКВД по ст. 58-10 УК РСФСР в декабре 1937 года обвинялись в контрреволюционной деятельности среди немцев жителей Александровской колонии. Им вменялось в вину ведение националистической пропаганды среди немецкого населения в пользу Германии, создание повстанческих кадров на случай возникновения войны между Германией и СССР. Все проходившие по делу об участии в контрреволюционной группе были расстреляны под Новгородом уже в январе 1938 года, о чем свидетельствуют акты о приведении приговоров к высшей мере наказания в исполнение, подписанные начальником Новгородского оперсектора НКВД капитаном госбезопасности В.Н. Глушаниным¹⁷.

В феврале 1938 года органами НКВД было сфабриковано очередное дело о шпионско-диверсионной организации, которому проходило 49 человек.

Материалами дела устанавливается, что осужденные лица состояли в трех самостоятельных шпионско-диверсионных группах, общее руководство которыми осуществлял германский консул в Ленинграде Зоммер, а непосредственное руководство осуществлял осужденный Вильде Р.Т. Как видно из материалов уголовного дела, в задачу участников организации входило:

1. Создание на территории Новгородского района повстанческих отрядов из числа лиц немецкой национальности в случае войны СССР с фашистской Германией.

2. Сбор шпионских сведений военного и экономического характера.

3. Подготовка и совершение с началом военных действий диверсионных актов на предприятиях по месту работы (завод «Пролетарий»), а также на шоссе Ленинград – Москва.

4. Совершение террористических актов над руководителями советского правительства и местными активистами.

Кроме того, им вменялось в вину проведение по заданию резидентов шпионских групп антисоветской агитации¹⁸.

Из 49 обвиняемых 47 человек приговорили к расстрелу и двоих – к 10 годам лагерей, где они вскоре скончались. Никому из родственников осужденных о расстреле не сообщали, а позднее выдали справки о смерти, где причина смерти указывалась язвой желудка, заражение крови, паралич сердца и пр.

22 февраля 1958 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР рассмотрела в судебном заседании уголовное дело по обвинению Вильде, Банко и др., отменила постановление комиссии при НКВД СССР от апреля 1938 года и постановление Особого Совещания НКВД СССР от 19 апреля 1938 года и указанное дело в отношении 49 обвиняемых прекратила за отсутствием состава преступления. Безвинно пострадавшие люди реабилитированы посмертно.

Параллельно с вышеуказанными «диверсионными» группами Новгородский оперсектор НКВД в марте 1938 года создает на бумаге новую немецкую националистическую повстанческую группу, действующую на территории Мадов-

шерского района¹⁹. Указывалось, что эта группа проводит среди населения националистическую фашистскую пропаганду. В состав группы входят 4 гражданина немецкой национальности: Шеффер П.П. – уроженец Ново-Николаевской колонии, лишенный избирательных прав, работающий ассенизатором в г. Малая Вишера; Дитц Е.Я. и Шеффер Я.Е. – уроженцы Александровской колонии, чернорабочие на заводе им. З-го КДО, а также Зингер И.Ф. – уроженец Саратовской области, извозчик на заводе им. З-го КДО.

Все подозреваемые были расстреляны 28 июня 1938 года на основании предписания начальника УНКВД ЛО комиссара ГБ 3-го ранга тов. Литвина от 27 июня 1938 года за № 228427.

О судьбах этих людей госорганы ничего не сообщали. Лишь через двадцать лет жене Егора Яковлевича – Надежде Ивановне выдано свидетельство, где указаны ложная дата и причина смерти.

В архивных материалах «Общества реабилитированных Новгородской области» хранится текст письма в компетентные органы уроженки и жительницы Ново-Николаевской колонии Мусс Марии Адамовны. Ее муж-немец и старший сын в 1917 году погибли, защищая интересы России, а в 1938 году арестовали ее второго сына – Ивана, а Марию Адамовну выбросили из дома. Из содержания письма 82-летней женщины видно, что ей так и не сообщили о горькой участи ее безвинно расстрелянного сына Мусса Ивана Михайловича.

Из свидетельских показаний Виллевальдта Ивана Кондратьевича:

«В 1938 году из Гдовы Псковской области я съездил к себе на родину и обнаружил, что колония заметно поредела. Рассказывали, что еженощно «черный ворон» забирал сразу то 10, то 15 человек. Хватали всех без разбору – середняков и бедняков».

Все это подтверждает активные действия органов госбезопасности СССР по зачистке Новгородской земли от лиц немецкой национальности. В настоящее время очевидно, что 1937–1938 года стали началом конца процветающих немецких колоний на Новгородчине.

Преследование немцев на Новгородчине, начавшиеся в 1937 году, резко усилились с первых дней советско-германской войны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. военным властям было предоставлено право высылать с территории, где объявлялось военное положение, лиц, признанных «социально-опасными». Во исполнение указа в первые дни войны органами НКВД были приняты чрезвычайные меры к лицам немецкой национальности.

Массовая депортация поволжских немцев началась после принятия 26 августа 1941 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2056-933 «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Постановление предписывало переселить все немецкое население Поволжья (около 480 тысяч человек) в Сибирь и Казахстан. 27 августа был издан приказ наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Для практического осуществления депортации в Поволжье направлялось 1550 сотрудников НКВД, 3250 работников милиции, 12 150 красноармейцев из войск НКВД²⁰.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б), равно как и документы НКВД, носили закрытый характер. В печати был опубликован (30 августа 1941 года) лишь принятый 28 августа 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», призванный задним числом придать депортации немцев «законный» характер.

В Указе утверждалось, что по данным, полученным военными властями, «среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы» в местах своего проживания. Поскольку сами немцы Поволжья подобных сведений властям не сообщали, делался вывод, что «немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и советской власти».

В целом выселение российских немцев осуществлялось на основании решений и распоряжений ГКО, СНК СССР, НКВД, военных советов фронтов и др. Первые подобные акты появились уже в августе 1941 года, в том числе приказ Военного Совета Ленинградского фронта о выселении немцев из Ленинграда и Ленинградской области. Отдельных же документов, регламентирующих выселение в 1941 году немецких колонистов из Новгородчины, в архивах не обнаружено.

Из воспоминаний Александра Георгиевича Флейшмана, руководителя землячества новгородских немцев: «В один из августовских дней 1941 года, когда вал войны уже приближался к Новгороду, Ново-Николаевская колония в течение 24 часов была целиком насильственно выселена. Та же участь постигла и Александровскую колонию. Меня через военкомат отправили в лагерь под Котласом. Там были еще финны, эстонцы, литовцы, поляки. Валили лес, строили железную дорогу. Весь ужас был в полуторогодном существовании. Варили из скучного хлебного пайка суп. Пухли от голода, погибали от съеденного неочищенного овса. В 21 год я весил 38 килограммов».

Из воспоминаний сестер Штро – Магдалины и Елизаветы – уроженок и жительниц Ново-Николаевской колонии: «В середине августа 1941 года начались интенсивные бомбардировки Новгорода и его окрестностей. Вместе с другими жителями Ново-Николаевской колонии мы укрылись в лесу. Затем, по распоряжению властей, нас погрузили на машины и переправили в Валдай, а оттуда поездом, в теплушках на Урал и определили в д. Васильевка. Выезд из этой деревни нам

был запрещен. В 1946 году, по вызову родственников, нашей семье разрешили переехать в Оренбургскую область, где тут же поставили на учет спецпоселения. Положение спецпоселенцев не позволяло нам и в дальнейшем выезжать за пределы места проживания до 1956 года. Когда наконец мы возвратились в родные места под Новгород, то местные власти запретили селиться нам на территории Ново-Николаевской колонии, мотивируя тем, что наши земли заняты хозом».

Расселение эвакуированных Ново-Николаевских колонистов по тыловым районам СССР подтверждается и специальным распоряжением на имя заместителя народного комиссара государственной безопасности СССР Б.З. Кобулова: «...11 сентября 1941 года в Гаврилов-Посадский район Ивановской области прибыло 78 человек немцев, в большинстве женщины, эвакуированные из Ново-Николаевской колонии (из-под Новгорода)»²¹.

Уроженка Александровской колонии Шатц Кристина Адамовна (гражданка Германии, проживавшая в г. Байрот) рассказывала:

«Мой отец, Шатц Адам Кириллович был арестован по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности среди немцев Александровской колонии. В числе 12 безвинных жителей Чудовского района он проходил по уголовному делу и был незаконно расстрелян в 1938 году. В августе 1941 года власти объявили, чтобы семья срочно собиралась, с собой самое необходимое. Дом, имущество, скот – все пришлось оставить. Пешком из колонии нас довели до станции Малая Вишера, где погрузили в вагоны-телятники. Куда везут, мы не знали. Через несколько месяцев, в ноябре, прибыли в Коми АССР. Было жутко холодно и голодно. Но самое страшное началось в 1942 году, когда начали разлучать семью. Мать забрали в «трудармию», где она вскоре умерла. Я, оставшись в 16 лет полной сиротой, обязана была работать лесорубом наравне со взрослыми... И так мое рабство длилось 19 лет. Даже по окончании войны я не имела права вернуться в Александровскую колонию».

Окончание войны и победа СССР над фашистской Германией не принесли облегчения советским немцам, в которых власти продолжали видеть «плотную колонну».

8 марта 1945 г. СНК СССР принял постановление № 35 «О правовом положении спецпереселенцев», закрепившее несправедливое положение немцев на многие годы. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецпоселения выйти за пределы района расселения; самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке.

26 ноября 1948 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который констатировал, что депортированные народы, в том числе немцы, переселены в отдаленные районы Советского Союза навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения устанавливалась уголовная ответственность – 20 лет каторжных работ. Советское руководство данным Указом решило закрепить на веки сотни тысяч необоснованно репрессированных людей в Сибири и в степях Казахстана, куда никто не поехал бы добровольно.

Через 7 лет последовал новый дискредитирующий по национальному признаку Указ от 13.12.1955 года, гласящий, что немцы ограничены в правах на возвращение в места, откуда они были выселены.

Таким образом, советские граждане немецкой национальности стали жертвами перестраховки руководства СССР, принявшей грубую форму насилия в условиях жесточайшей второй мировой войны. Депортация и последовавшие за ней «трудармия» и спецпоселение причинили российским немцам непоправимый урон. Они были рассеяны по огромной территории СССР и, вплоть до середины 1950-х годов, не имели права возвращаться на прежние места жительства, поддерживать свои национально-культурные, религиозные традиции.

Что касается немецких колонистов Новгородчины, то их компактные поселения (Александровская и Ново-Николаевская колонии) исчезли в результате принудительных депортационных мер в начале Великой Отечественной войны, в ходе действий советской и германской армий, а также последующего запрета уцелевшим в ходе репрессий колонистам заселять свои бывшие земли в послевоенный период.

В период хрущевской политической оттепели Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. отменено действие сталинского Указа от 28 августа 1941 года и признана необоснованность репрессий советских немцев. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина.

Вторично российские немцы были реабилитированы в ноябре 1989 года, когда Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насилию и переселению, и обеспечении их прав». В декларации указывалось, что Верховный Совет СССР безоговорочно осуждает практику насилия и переселения целых народов как тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гарантирует, что поправление прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране, и считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.

Однако российские немцы не восстановлены в своих утраченных в результате незаконных репрессий правах до настоящего времени. Как и не возрождены Ново-Николаевская и Александровская немецкие колонии – образцовые поселения Новгородчины XIX – первой половины XX века.

1. ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 2.
2. Немцы России: энциклопедия. Т. 1/Редкол.: В. Карев и др. М.: ЭРН, 1999. С. 10.
3. Можайский И. Учебный курс географии Новгородской губернии. Новгород, 1890. С. 58.
4. ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 911. Л. 2.
5. Газета «Известия», 30.10.1997 г.
6. ГАНПИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 912. Л. 5.
7. ГИАНО. Ф. 822. Оп. 1. Д. 1002. Л. 20.
8. Там же, Л. 68.
9. Там же, Л. 159.
10. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет РФ, 1993. С. 33.
11. Там же, С. 33-34.
12. ГАНПИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 784. Л. 72.
13. Там же, Л. 73.
14. ГИАНО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
15. ГИАНО. Ф. 138. Оп. 3. Д. 28. Л. 2.
16. Там же, Л. 49.
17. Архив УФСБ по Новгородской области. Д. № 1а/9582.
18. Архив УФСБ по Новгородской области. Д. № 1а/3646.
19. Архив УФСБ по Новгородской области. Д. № 1а/3308.
20. Немцы России: энциклопедия. Т. 1/Редкол.: В. Карев и др. М.: ЭРН, 1999. С. 698.
21. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»; Документы, факты, комментарии/Сост. Н. Бугай. М., 1992. С. 5.